

УДК 111

ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА УРОВНЕ ИНДИВИДУУМА

© 2011 г.

Д.Н. Бухаров

Байкальский государственный университет экономики и права

buharov_den@mail.ru

Поступила в редакцию 9.06.2011

Дана описательная характеристика идентичности человека, представленного в качестве индивидуума. Анализируя причины и следствия положения индивидуума, автор негативным способом подводит читателя к мысли о том, что идентичность, обретаемая человеком на этом уровне, является его псевдоидентичностью и что истинная идентичность становится возможной только на более высоких экзистенциальных уровнях человеческого бытия.

Ключевые слова: индивидуум, идентичность, качество, экзистенциальный уровень, смысложизненные ценности, самоутверждение, вещьность.

Согласно Н.А. Бердяеву, один и тот же человек, исходя из степени раскрытия в нем компонент природного, социального и духовного порядка, входящих в структуру его «Я», может быть представлен соответственно либо в качестве индивидуума, либо в качестве индивидуальности, либо в качестве личности. Понятие «качество», или, как по-другому его называет Н.А. Бердяев, «качествование», в данном случае по смыслу очень близко к понятию «экзистенциальный уровень», введенному в оборот Г. Марселем.

По словам Г. Марселя, лучше и легче всего понять, что такое «экзистенциальный уровень», можно, отталкиваясь от таких понятий, как открытость к Другому, проницаемость, посвящение себя чему-то [1, с. 179]. Другими словами, каждый экзистенциальный уровень характеризуется различной степенью открытости человека к Другому, степенью его проницаемости для взгляда Другого и тем, чему и в какой степени он посвящает свою жизнь. К этому списку категорий, характеризующих уровень, на котором пребывает человек, также можно добавить его смысложизненные ценности, а также практикуемый им способ установления и характер отношений с Другим.

Благодаря всему этому человек в итоге обретает определенный набор личностных качеств, которые и определяют, какого рода идентичностью будет он обладать. Таким образом, под идентичностью в данном случае мы понимаем степень актуализации человеком качеств, заложенных в него изначально, а они, повторюсь, включают как природную, так и социальную и

духовную составляющие. В статье мы рассмотрим первый экзистенциальный уровень, а именно представленность человека в качестве индивидуума.

Прежде всего, необходимо отметить, что индивидуум – это природная характеристика человека, обусловленная его наличной данностью в мире. Представляя собой нечто неделимое по отношению к целому, индивидуум есть атом, монада, органической частью входящая в состав рода и общества и поэтому мыслимая как подчиненная часть, свобода которой ограничена общими условиями существующего строя [2, с. 157]. Подобное положение обусловлено тем, что человек в этом качестве представляет собой лишь «тело», а, как отмечал Л.И. Шестов, именно «тело» и все, что с ним связано, покорно необходимости и страшится ее угроз [3, с. 89]. Из-за этого страха основным способом выхода индивидуума из состояния конфликта с миром является не борьба, а приспособление, что приводит к тому, что индивидуум не осуществляет назначение, присущее ему от природы, – быть свободным. Согласно К. Ясперсу, это в свою очередь чревато тем, что человек, искажая «себя как свободу, становится в своем корне неразличимым» (здесь и далее выделено нами. – Д.Б.) [4, с. 391]. Неразличение в данном случае может быть понято как отказ индивидуума от собственной уникальности, проявляющей себя в качестве лица. Именно поэтому, согласно Н. А. Бердяеву, ключевой характеристикой для понимания индивидуума является темперамент, предоставленный ему как природная

данность, но никак не характер, формируемый вследствие борьбы, приводящей человека к выходу из состояния подчиненности, чего, как уже отмечалось, в случае с индивидуумом не происходит.

Подчиненность говорит о том, что, несмотря на наличие у индивидуума представлений о его свободе по отношению к миру, в действительности он рабски определяется этим миром, который в его глазах превращается в извне принуждающий объект. Помимо этого типа рабства индивидуум также пребывает в рабстве у своей затверделой самости [4, с. 192], которая по-другому может быть обозначена как самозамкнутость и сосредоточенность человека на самом себе, как его концентрация на себе самом, подобная сосредоточению на больном органе [1, с. 180]. Другими словами, индивидуум эгоцентричен, а эгоцентризм, по мнению того же Н.А. Бердяева, и есть тот так называемый первородный грех, который мешает актуализировать сущностные силы человека и, как следствие этого, препятствует обретению им его идентичности.

Будучи частью этого мира, индивидуум направляет большую часть своих усилий на самоутверждение в рамках множественного мира, которое проявляет себя в первую очередь как его стремление «брать от жизни все». Поэтому индивидуум стремится к обладанию привлекательным имиджем, через который для него становится возможным формирование спроса на самого себя со стороны общества, что в свою очередь увеличивает его шансы на доступ к как можно большему объему материальных ресурсов, которые выступают в качестве своего рода основы для самоутверждения. Это происходит потому, что объем того, что индивидуум сможет «взять», в итоге определит, насколько надежным окажется положение индивидуума в обществе и во множественном мире в целом. Без обладания всем этим жизнь индивидуума лишается всякой основательности.

Таким образом, по сути, самоутверждение есть процесс придания человеком значимости себе посредством приобретения вещей, которые в его глазах являются носителями тех качеств, которыми он сам хотел бы обладать. Вещи, носители свойств, завораживают, гипнотизируют, соблазняют индивидуума, обещают подчеркнуть его особенность и уникальность, «сулят в случае чего» оказать ему поддержку и обеспечить его безопасность в рамках наличного бытия. Поддавшись на эти посулы, индивидуум в результате оказывается плененным повседневностью и становится

лишь одним из явлений множественного мира, что грозит ему разложением и диссоциацией его «Я», превращением его в нечто эфемерное. «Схватывая себя как существующего, я схватываю себя как узника. Моё существование в этом случае выступает совокупностью моих порабощений. И я вынужден признать, что, в некотором смысле, без таких порабощений я есть ничто, я утрачиваю свою самооткровенность» [там же, с. 160].

Эта ситуация имеет несколько последствий. Во-первых, индивидуум в рамках наличного бытия без обладания вещами неожиданно для самого себя может вдруг оказаться никем. Во-вторых, будучи «опутанным просто дающим себя бытием вещей мира» [5, с. 399], он сам овеществляется, то есть пропитывается вещными качествами и уподобляется вещи. Вещь есть объект, поэтому здесь будет вполне уместна характеристика, данная М. Бубером объекту. Она звучит следующим образом: объект есть не длительность, но остановка, прекращение, оторванность, самоощепенение, отделенность, отсутствие отношений, отсутствие присутствия [6, с. 22]. Отсюда следует, что индивидуум сам, будучи в рамках наличного бытия определенно-го рода вещью, приобретает все вышеперечисленные свойства. Однако вырваться из пленения повседневностью самостоятельно индивидуум оказывается не в состоянии, поскольку считая свое наличное бытие в рамках повседневности своим подлинным бытием, он тем самым снимает напряжение между наличным и должным и тем самым отказывается от самой возможности преодоления сковывающих его уз повседневности.

В своей наличной данности, будучи практически неотличим от вещей, с избытком наличествующих в мире, индивидуум становится настолько же уязвимым, как и любая другая вещь: его можно раздавить, разорвать, уничтожить. И такова ситуация с каждым индивидом, поскольку, какой бы силой он ни обладал, в наличном мире срабатывает непреложное правило: на любую силу всегда найдется бóльшая сила. Поэтому для того, чтобы избавиться от постоянно присутствующей угрозы быть раздавленным, индивидууму необходимо найти в себе силы, которые были бы иной природы, чем та, к которой относится весь наличный мир. Однако индивидуум, в силу ориентации на поиск точки своей опоры именно в наличном мире, к подобному источнику не обращается. Поэтому его можно назвать существом, уязвимость которого абсолютно ничем не компенсирована.

Кроме того, следствием уподобления индивидуума вещи является развитие у него такого свойства, как духовная инертность, и, как следствие, отказ от так называемого «прорыва через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов» [5, с. 378]. Причем несмотря на пребывание в подобном состоянии, индивидуум, однако же, способен создавать видимость бурной деятельности. Иначе говоря, он способен быть очень деловитым и занятым и благодаря этому казаться активным. Но суть этой деловитости, по словам К. Ясперса, заключается в выполнении той функции, которую человеку назначили в рамках наличного бытия, а сама деловитость является лишь маской, которой индивидуум стремится заслонить собственное ничтожество [там же, с. 390].

Индивидуум хочет быть непохожим на других индивидуумов, поэтому стремится к уникальности. Однако такое стремление есть не что иное, как опора на мнения других людей, которые выступают в качестве высших судей, выносящих приговор по поводу обладания человеком той или иной идентичностью. В таких условиях у человека усиливается желание **казаться**, а не **быть** кем-то. При этом «кажимость» становится ключевой характеристикой для понимания обретаемого в данном случае типа идентичности. Такая «кажимость» понимается как внешняя имитация желаемых личностных качеств.

В силу указанной выше поверхностности, присущей индивидууму, может создаться впечатление, что по сравнению с людьми, пребывающими в других качествах, он является самым способным в плане общения с Другим, что в первую очередь объясняется тем, что он не вводит Другого в состояние напряжения, которое создается в случае установления сущностных отношений. Однако такое общение к установлению сущностных отношений не ведет. Оно основывается на состоянии наивности, в котором пребывает индивидуум и которое по-другому может быть обозначено как дух детства, который предшествует сознанию человеком самого себя [1, с. 38]. Иными словами, индивидуум пока еще себя не осознает, поэтому и осуществляемая им коммуникация с Другим имеет также неосознанный, поверхностный характер. В то время как путь, ведущий от меня к Другому, может проходить только через мои собственные глубины, в данном случае складывается ситуация, при которой эти сущностные глубины мною как индивидуумом оказываются незадействованными.

В отношениях, выстраиваемых индивидуумом с другими людьми, опять же проявляется

его стремление к самоутверждению, которое выражается как стремление к эксплуатации Другого. Индивидуум, с одной стороны, воспринимает окружающих как конкурентов на пути к самоутверждению, а с другой стороны, как средство достижения своих целей, связанных с его самоутверждением. Таким образом, других людей индивидуум склонен рассматривать в качестве своего рода объектов. Это приводит к тому, что отношения между индивидуумами, выстраиваемые на такой основе, по сути своей становятся неотличимыми от отношений между материальными объектами и характеризуются пребыванием субъектов отношений в состоянии несвободы и общеобязательности. Подобная ситуация является еще одним доказательством того, что выстраивание отношений на сущностном уровне оказывается для индивидуума недоступным.

Индивидуум проживает в условиях деградированной, размагниченной повседневности, характеризующейся тем, что присутствие смысложизненных ценностей в ней сведено практически на нет – все в ней живет сиюминутными и преходящими потребностями. Исходя из этого, значение понятия «деградация», суть которого может быть определена как постепенное ухудшение, вырождение, упадок, движение назад, связано с подменой духовных ценностей преходящими ценностями, присутствующими в наличном бытии. Если же исходить из сформулированного Г. Марселем положения о том, что ценность выступает ставкой существующего, то об индивидууме можно сказать, что его жизненные ставки довольно низки, поэтому живет он далеко не по большому счету. Вследствие этого индивидуум характеризуется как пребывающий в состоянии расслабленности, пассивности, спокойной сытости и вместе с тем скуки, закостенелости и экзистенциального вакуума.

Высшая ценность, которой обладает индивидуум, – его наличная жизнь, которую он проживает в настроении стремления к самосохранению, поэтому индивидууму присуще наличие такого свойства, как экзистантность. Суть его заключается в сопротивлении разрушению, которое неизбежно несет с собой время. Г. Марсель определял экзистантное как нечто существующее, которое все еще существует, но однажды перестанет существовать [1, с. 168]. Таким образом, любой ущерб, наносимый индивидууму силами мира, рассматривается им как фатальный и невозполнимый. Следовательно, он стремится любой ценой сохранить свою целостность, которая понимается им как телесная

и психическая непрерывность. Однако до достижения им истинной целостности, понимаемой как экзистенциальное качество, благодаря которому человек остается самим собой при любых обстоятельствах, ему, тем не менее, очень далеко.

Ради самосохранения индивидуум способен пожертвовать практически всем, в том числе и духовной составляющей своего «Я», которая в ситуации выбора видится им как нечто эфемерное и не действительное по сравнению с телесной компонентой. Индивидуум склонен думать, что его идентичность задана ему уже изначально в виде тела и для того, чтобы обладать идентичностью, необходимо любой ценой суметь сберечь себя в качестве налично данного. Постепенно эта установка становится смыслом его жизни – смыслом, который по своей сути оказывается неосуществимым. Ведь, как известно, не умирает только род, жизнь которого состоит из бесконечной последовательности смертей входящих в его состав индивидуумов, тогда как каждый живой индивид умирает [2, с. 25]. Отсюда следует, что поскольку смысл жизни оказывается для индивидуума нереализуемым, жизнь его может быть представлена как замкнутый порочный круг, в котором совершаемое движение никогда не достигает своей цели.

По поводу жизни индивидуума необходимо также отметить, что он склонен рассматривать ее как совокупность событий, которые когда-то имели в ней место. Однако рассмотрение собственной жизни в таком качестве (вроде бы как со стороны) может привести к самоустранению из нее. Вернуться к жизни становится вновь возможным только через ощущение себя «устремленным к», то есть через пребывание индивидуума в таких условиях, при которых совокупность происходящим с ним событий оказывается для него объединенной единым смыслом, ценностно превосходящим самосохранение. Благодаря наличию смысла каждый из эпизодов, образующий данную совокупность событий, наполняется жизнью и вновь и вновь придает жизни индивидуума значимость.

В то же время индивидуум до уровня осмысления своей жизни так и не поднимается. Более того, рассмотрение им собственной жизни как простой последовательности событий приводит к тому, что он начинает сравнивать свою жизнь и жизнь Другого, которая также рассматривается им как совокупность событий. На этой основе к нему приходит сожаление, что каких-то событий в его жизни было меньше или

не было вообще по сравнению с жизнью Другого. Это становится фактом, доказывающим, что жизнь индивидуума далека от полноты, поскольку, по определению, полнота есть нечто несравнимое [1, с. 48].

Индивидуум стремится к материальным благам, которые в условиях отрицания существования трансцендентных ценностей выступают как единственное, к чему стоит стремиться. Это приводит к тому, что индивидуум, пропитываясь материальными ценностями, сам становится «материален» или, по-другому, имманентен множественному миру. И даже более того, он становится смертельно имманентным [7, с. 73], поскольку в данных условиях входящая в структуру его «Я» духовная составляющая не находит своей реализации и ставится под смертельную угрозу. Таким образом, индивидуум как единое целое лишается «горнего» воздуха смысложизненных ценностей, что может привести его к духовной смерти.

Целью деятельности индивидуума в рамках наличного мира является достижение счастья, всецело сводимого к удовольствию. В данном случае необходимо отметить, что удовольствие отличается от схожего с ним понятия «радость» тем, что удовольствие есть «удовлетворение некоего желания, не требующее усилий (в смысле затраты жизненной силы)» [8, с. 137], тогда как радость – это то, что «мы испытываем в процессе приближения к цели стать самим собой» [там же, с. 140]. Таким образом, чувство неподдельной радости тесно связано с приведением в движение сущностных сил человека, поэтому это чувство может быть охарактеризовано как глубокое: «...чувство является глубоким тогда, когда оно действительно не позволяет отделить себя от самости человека, его испытывающего, когда эта самость в нем находится у себя самой (chez lui)...» [1, с.45]. Другими словами, чувство является глубоким только тогда, когда в него вовлечена сама суть человека, его испытывающего. На этом фоне становится очевидна бедность и блеклость переживаний индивидуума, ориентированного на легкодоступные удовольствия. Тем не менее индивидуум посвящает все свои стремления к их достижению и, более того, склонен считать такое стремление естественным.

Постоянная интенция на чувственные удовольствия может оказаться чреватой для индивидуума тем, что постепенно он вовсе может перестать быть человеком даже на уровне индивидуума и превратится в чувственное животное. Процесс такого «унижения» индивиду-

ума можно объяснить действием сформулированного И.А. Ильиным закона «отождествления через веру», суть которого сводится к следующему: человек постепенно уподобляется тому, во что он верит [9, с. 43]. В случае когда индивидуум постоянно думает о чувственных удовольствиях, они оказываются предметом его веры.

Из сказанного выше следует, что у индивидуума есть две возможности, которые он в силу своего промежуточного положения может реализовать с одинаковым успехом, а именно: либо «вырасти над собой» и стать личностью, либо опуститься и стать «животным». При этом необходимо отметить, что пребывать в подобном состоянии потенциальной возможности в течение долгого времени индивидуум не может, поскольку образно он может быть представлен как стоящая на ребре монета, своим положением олицетворяющая саму неустойчивость: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя» [10, с. 243]. Ответ на вопрос о том, кем он в итоге станет, зависит в первую очередь от того, в какой степени индивидуум готов отвечать требованиям, предъявляемым к нему как к человеку. Причем, по словам К. Ясперса, требования эти настолько высоки и так сложно им отвечать, как если бы человек, к которому они предъявляются, был титаном: «он должен их признать и установить, что ему удастся в становлении его самости или же, если он их отвергает, ему придется вести существование, в котором он не будет, по существу, ни человеком, ни животным» [5, с. 399]. Несмотря на мнение, что пребывать в качестве индивидуума является для человека самым простым и естественным способом существования, становится очевидна важность, присутствующая этому качеству, а именно: пребывание человека в качестве индивидуума может стать отправной точкой в его движении к самому себе, а значит, индивидуум может быть охарактеризован как человек, пребывающий в состоянии абсолютной возможности выбора.

Постановка вопроса об идентичности человека в наше время обуславливается, в первую очередь, тем, что современный человек часто характеризуется исследователями как нечто переменчивое, закрытое, искусственное, неустойчивое, поверхностное, фрагментарное, множественное, ощущающее свою случайность и, как следствие этого, далекое от достижения своей истинной идентичности. Человек, представленный в качестве индивидуума,

страдает практически всеми этими недугами. В связи с этим встает вопрос, что может его от них избавить и сверх того придать противоположные качества: постоянство, открытость, естественность, устойчивость, целостность, основательность, укорененность в бытии? На наш взгляд, все эти проблемы имеют место прежде всего потому, что человек-индивидуум рассматривает их не как проблемы, а как изначальную данность, то есть как то, что имело и будет иметь место всегда. Индивидуум, говоря словами Е.Н. Трубецкого, слишком уж «удовлетворен здешним» [2, с. 62], то есть телесным и социальным, поэтому влечение к запретному, выражающееся в раскрытии его духовной составляющей, проявляется у него крайне слабо. Он не стремится преодолеть в себе указанные выше недостатки – он к ним приспосабливается. Достичь их решения и тем самым обрести подлинную идентичность, на наш взгляд, становится возможно только в одном случае: если человек через раскрытие и реализацию своего духовного потенциала сумеет преодолеть свою имманентность наличному миру и через это преодоление получит неverified основание собственного существования.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).

Список литературы

1. Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 328 с.
2. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. М.: Республика, 1994. 432 с.
3. Шестов Л.И. Афины и Иерусалим. СПб.: Азбука, 2001. 448 с.
4. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. 312 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика. 1994. 527 с.
6. Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем. М.: Республика, 1995. 464 с.
7. Извеков А.И. Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. 245 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис-Пресс, 2004. 384 с.
10. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 39–285.

CHARACTERISTICS OF HUMAN IDENTITY AT THE INDIVIDUAL LEVEL

D.N. Buharov

The article is devoted to the descriptive characteristics of human identity, presented as an «individual». Analyzing the causes and consequences of being an «individual» by a negative way the author leads the reader to the idea that human identity, acquired by a man at this level, represents pseudo-identity and that the true identity becomes possible only at the higher existential levels of human being.

Keywords: individual, identity, quality, existential level, values, selfishness, thingness.